

Д.А. Пашенцев

**К вопросу об изучении правовых реформ
в России. Рецензия на монографию
А.А. Дорской «Правовые реформы в России:
типология, логика развития, критерии
результативности»
(СПб.: Астерион, 2014. 176 с.)**

Несмотря на то, что понятие «правовая реформа» активно используется в России с 1989 года, сегодня интерес к данной тематике только возрастает. Можно отметить, что только в 2014 году были изданы работы И.Л. Честнова [8–9], М.В. Игнатъевой [4–5], других исследователей.

Монография А.А. Дорской о правовых реформах представляет собой итог двухлетней работы, промежуточные результаты которой были отражены в ряде статей [1; 3]. В работе дан достаточно подробный анализ исследований правовых реформ начиная с 1970-х годов. Несомненным достоинством является то, что были изучены работы зарубежных исследователей 1970–1980 годов о правовых реформах, а также труды советских и российских ученых с конца 80-х годов XX века до наших дней. Это позволило автору выделить следующие главные направления исследований [2: с. 16–20]. Первое направление — попытки создания периодизации развития правовой реформы в России. Второе направление — развитие идеи о необходимости использования российских правовых традиций при реализации положений правовой реформы. Третье направление — продолжение анализа понятия «правовая реформа» с позиций постклассической теории права, рассмотрение дефиниции правовой реформы через ее соотношение с другим понятием — «правовая политика». Четвертое направление — активная разработка психологических аспектов правовых реформ. Так, к периоду правовых реформ было применено понятие «транссессия» (от *лат.* *transgression* — преодоление), т. е. готовность и стремление общества к преодолению препятствий. Стали активно изучаться критерии эффективности, применимые к правовым реформам. Одним из векторов исследований в данной сфере стало соотношение итогов правовых реформ с развитием и соблюдением прав человека. Пятое направление —

увеличение печатных работ, в которых исследуются правовые реформы в бывших республиках Советского Союза, что связано с интеграционными процессами. Шестое направление — понимание, что проникнуть в истинный смысл любой реформы, оценить значение можно только при рассмотрении ее в контексте общей правовой реформы [6: с. 11]. Седьмое направление — несмотря на то, что в дореволюционный период термин «правовая реформа» не использовался, в рамках истории политических и правовых учений анализируются мнения выдающихся мыслителей второй половины XIX – начала XX века о возможностях реформ в России. И, наконец, восьмое направление — международно-правовое измерение правовых реформ в России. Причем на современном этапе рассматривается не только проблема соответствия результатов российской правовой реформы международно-правовым стандартам, но и новые субъекты, участвующие в дальнейшей разработке правовой реформы в России, и угрозы достижениям правовой реформы со стороны международного терроризма.

В монографии показано, что целью правовой реформы может быть либо улучшение жизни большинства членов общества, либо удержание власти правящей элитой. Автором были разработаны критерии, позволяющие говорить об улучшении жизни большинства членов общества: 1) улучшением качества жизни можно считать такую ситуацию, когда право в определенный, конкретный момент на одинаковом уровне способно выполнять разные функции: и регулятивную, и охранительную, и оценочную, и воспитательную, иногда ускоряя, а иногда замедляя общественное развитие. Индикатором данного процесса является наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина; 2) улучшением качества жизни является такой вектор развития, при котором государство стремится быть «подлинно правовым и одновременно социальным государством». Будет ли государство правовым и социальным, зависит не только от законодателей, органов власти, но и от каждого члена общества, так как «положительные свойства правовой системы» достигаются только при позитивном отношении к праву, осознании его необходимости и ценности; 3) обеспечение безопасности также является важнейшим свидетельством улучшения качества жизни в правовой сфере. Право должно успевать за быстро меняющимися условиями и отвечать на новые вызовы. Так, например, в уголовном праве очень сложно добиться адекватной квалификации различных видов террористической деятельности; 4) вопрос об улучшении качества жизни большинства членов общества неизбежно порождает проблему выбора ориентиров при проведении правовых реформ. Современные исследователи полагают, что пока самой «неоправданной» выглядит рецепция западной традиции права; 5) к качественным моментам улучшения жизни относится и упрощение юридической деятельности. Это достигается путем уменьшения количества принимаемых нормативно-правовых актов, повышением доступа к правовой информации, минимизацией бюрократических препон [2: с. 141–145].

В монографии показано, что создать типологию правовых реформ в России достаточно трудно в силу целого ряда причин, среди которых и возможность

выбора большого количества критериев для классификации, и ограниченность каждого отдельного подхода.

По мнению автора монографии, классификации правовых реформ могут быть различны в зависимости от критериев, положенных в основу. В частности, можно выделить: 1) правовые реформы, направленные на обеспечение преобразований в других сферах жизни — политической, экономической, социальной и т. д., и реформы, призванные изменить саму правовую реальность; 2) завершенные и незавершенные реформы; 3) правовые реформы, имеющие целью улучшение жизни общества в целом и каждого его члена, и реформы, провозглашающие общественную цель, но реально направленные на сохранение власти правящей элиты; 4) реформы, опирающиеся на позитивный отечественный опыт прошлого, на правовые традиции; реформы, представляющие собой эксперимент по созданию инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов; реформы, в результате которых осуществляется рецепция принципов и норм зарубежного, как правило, европейского права; реформы по приведению элементов правовой системы страны в соответствие с международно-правовым стандартом; 5) эффективные и неэффективные правовые реформы. В принципе, можно предложить и другие классификации. Наиболее перспективным, с точки зрения автора, выглядит синергетический подход к типологии правовых реформ.

Таким образом, представляется необходимым обратить внимание на то, что избранный автором подход к исследованию правовых реформ в России позволил не только по-новому взглянуть на многие факты истории Российского государства и права, но и выявил возможные механизмы дальнейшего развития правовой реформы в России.

Несмотря на общую позитивную оценку рецензируемой монографии, следует отметить, что она имеет и некоторые недостатки. В частности, недостаточно внимания уделено разработке критериев эффективности реформ, проводимых в 50–70-е годы XIX века, тогда как в период «великих реформ» были выдвинуты многие идеи, которые могут быть востребованы и сегодня [7: с. 121–122].

В целом, рецензируемая монография «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности» представляет собой фундаментальное научное исследование, совокупность положений которого может быть рассмотрена как серьезная теоретическая основа для дальнейшего осмысления российских правовых реформ.

Литература

1. Дорская А.А. Незавершенные правовые реформы и контрреформы в России: проблема разграничения понятий // Научное мнение. 2014. № 5. С. 9–14.
2. Дорская А.А. Правовая реформа в России: типология, логика развития, критерии результативности: монография. СПб.: Астерион, 2014. 176 с.
3. Дорская А.А. Правовая реформа как междисциплинарное понятие современного юридического образования // Право и образование. 2014. № 11. С. 33–41.

4. *Игнатьева М.В.* М.М. Ковалевский о правовых реформах в России // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 51–55.
5. *Игнатьева М.В.* Правовые реформы в Российской Федерации: антропологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Юридические науки». 2014. № 3. С. 7–12.
6. *Пашенцев Д.А.* Реформирование финансовой системы в контексте правовых реформ в России // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 11–14.
7. *Пашенцев Д.А.* Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 50–70-е гг. XIX века // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 121–122.
8. *Честнов И.Л.* Правовая аккультурация и преемственность права // Вестник Орловского государственного университета. 2014. № 1 (36). С. 43–47.
9. *Честнов И.Л.* Критерии эффективности права с позиций постклассической юриспруденции // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68). С. 83–87.

References

1. *Dorskaya A.A.* Nezavershenny'e pravovy'e reformy' i kontreformy' v Rossii: problema razgranicheniya ponyatij // Nauchnoe mnenie. 2014. № 5. S. 9–14.
2. *Dorskaya A.A.* Pravovaya reforma v Rossii: tipologiya, logika razvitiya, kriterii rezul'tativnosti: monografiya. SPb.: Asterion, 2014. 176 s.
3. *Dorskaya A.A.* Pravovaya reforma kak mezhdisciplinarnoe ponyatie sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya // Pravo i obrazovanie. 2014. № 11. S. 33–41.
4. *Ignat'eva M.V.* М.М. Kovalevskij o pravovy'x reformax v Rossii // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2014. № 34. S. 51–55.
5. *Ignat'eva M.V.* Pravovy'e reformy' v Rossijskoj Federacii: antropologicheskij analiz // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby' narodov. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2014. № 3. S. 7–12.
6. *Pashencev D.A.* Reformirovanie finansovoj sistemy' v kontekste pravovy'x reform v Rossii // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2014. № 34. S. 11–14.
7. *Pashencev D.A.* Razrabotka kriteriev rezul'tativnosti pravovy'x reform v Rossii v 50–70-e gg. XIX veka // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3 (70). S. 121–122.
8. *Chestnov I.L.* Pravovaya akkul'turaciya i preemstvennost' prava // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (36).S. 43–47.
9. *Chestnov I.L.* Kriterii effektivnosti prava s pozicii postklassicheskoy yurisprudencii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 1 (68). S. 83–87.